

“Греносі” надіється, що читач уважно і пильно прочитає книгу для “свого душевного пожитку”.

Народні приповідки, афоризми підсилюють у полемічному тексті ідейну загостреність та художньо-емоційну принадність твору. Особливою колоритністю відзначаються, наприклад, приказки у “Апокрисисі” Христофора Філалета: “Яко посполите мовлять: “зе злого торгу — з ушима додому” [4], “не один ся жид в тых ухвалах крыеть!” [5].

Отже, синтезуючи кілька систем (риторичну, біблійно-апокрифічну, фольклорну), полемісти шукали свої шляхи для осягнення минулого, інтерпретації сучасного, свою модель тексту. Фундаментальну роль у цьому відігравав фольклор, що надавав можливість створити специфічні прийоми в оформленні полемічного тексту, його наративної структури, оповідної манери авторів відповідно до вимог епохи.

Література:

1. Возняк М. Український протипанський памфлет XVI в. “Історія о снѣомъ паяѣ римскомъ” // ЗНТШ. 1913. – Т.СХVII–СХVIII – С.256.
2. Франко І. Іван Вишнєвський і сто творів // Зібр. тв.: У 50-и т – К Наукова думка, 1981 – Т.31. – С.208.
3. Філалет Христофор. Апокрисис // Памятники полемической литературы. Русская историческая библиотека. – СПб, 1882, кн. II. – С.1644.
4. Там само. – С.1608.
5. Там само – С.1174.

Анна УЛЮРА (Київ)

Фольклорно-литературные связи в русской литературе конца XVIII века

Конец XVIII века в русской литературе и культуре характеризуется поиском национальной идентичности и почвеннического пути развития. Завершив более чем активный

процесс ученического заимствования основ западноевропейского искусства, русские сочинители начинают открывать ценность и самобытность своей культуры. Впрочем, этот процесс в России происходит не без влияния аналогичных поисков западноевропейских предромантиков. Чтобы быть достойными в глазах почитаемых соседей, русские сочинители пускаются в розыски собственного Средневековья.

В последних десятилетиях века в самых разных кругах общества пробуждается интерес к народному творчеству и допетровскому укладу жизни. Народные песни и пляски, наряды а la Киевская Русь, бабушкины поверья и присказки, кокошники и сарафаны вошли в моду у придворной знати. Поэтами писались под заказ для дворцовых праздников стихотворения с фольклорной тематикой. Даже чуткая к запросам времени императрица Екатерина II выбирает для одной из своих комических опер "Новгородский богатырь Боеславич" былинный старорусский сюжет.

В это время появляется немало фольклорных сборников, неоднородных как по своей задаче, так и по своему составу и художественной ценности. Николай Львов издает сборник народных песен, который был впоследствии упорядочен Прачем и более известен под его именем. Ипполит Богданович готовит к печати сборник пословиц. Михаил Чулков выпускает в свет томик сказок и былин, а также знаменитый песенник. Произведения (всего 291 пьеса) в песеннике сгруппированы в определенной системе: каждая часть состоит из двух половин. В первой - исключительно литературные произведения, во второй - народные или ставшие уже таковыми песни. А между тем, нередко подобные материалы издавались в так сказать подправленном виде, ибо многословное содержание и язык народной поэзии казался вульгарным утонченному слуху русского читателя "столетья безумного и мудрого". И прежде всего это касается сборника Богдановича, осуществившего попытку переложить русские пословицы в соответствии с ритмическими требованиями современного ему стихосложения. Подобной же попыткой "облагородить" фольклор выступают "Выборные российские пословицы" Екатерины II. 126 пословиц, являющихся частью "Гражданского начального уложения", были напечатаны в 1782 году. Весьма претенциозный подбор пословиц, начиная с первой - "Аще царство разделится, вскоре разорится" - чрезвычайно характерен и иллюстрирует идеологическую задачу сборника. Пословицы венценосного автора учат государственной мудрости, осторожности, требуют соблюдения законов и правил общежития. Например, "всегда новизна, да редко правизна", "всеу законы писать, когда их не

исполнять”, “кто бесчинно поступает, тот многим досаждаёт”, “кто истину объявит, того никто не обвинит”, “старые пророки померли, а новые правды не сказывают” и тому подобное. Народную речь тут искать бессмысленно, а порой эти изреченные истины даже утратили характер пословиц. Назойливый тон поучения, безапелляционность суждений выделяют это сочинение даже на фоне нарочитого дидактизма литературы эпохи Просвещения и убеждают в принадлежности этого сборника высокопоставленному автору.

Вслед за фольклорными сборниками (подлинными или стилизованными) появляются и образцы художественного осмысления народнопоэтического искусства. Ориентация на национальную поэтику отличает “Славянские древности, или Приключения славянских князей” М.И. Попова, обращенные к легендарной русской старине. Вслед за аналогичной работой Чулкова, Попов воссоздает цикл волшебных близких в некоторых чертах к западноевропейскому рыцарскому роману. “Славно-русский” колорит воссоздается упоминанием названий многих областей и городов, широко ИСПОЛЬЗУЮТСЯ истории из жизни разных русских племен — древлян, полян, дулебов, вятичей, созданные богатой авторской фантазией на основе немногих исторических и этнографических сведений. Поиску “основ народности” подчинено также создание и ряда других сочинений того времени: “Сокращенная повесть о Стеньке Разине” А. Сумарокова, “Бова.. Повесть богатырская” А. Радищева, “Добрыня, богатырская поэма” Н. Львова, “Громова” Г. Каменева, “Песни, петье на состязании в честь древним славянским божествам” А. Радищева, “Бахариана, или Неизвестный” М. Хераскова, “Светлана и Мстислав. Богатырская повесть” А. Востокова и другие. Впрочем, разработка народнопоэтических тем нередко не шла далее внешнего копирования отдельных приемов песенной и сказочной поэтики, и лишь немногие произведения подобного толка приближались к зрелому осмыслению народности.

Народные элементы чаще воплощались в старые литературные формы, но иногда на этой почве создавались и новые жанры. Примером тому служит художественная песня в подражание народной. Любопытно, что именно в этом жанре первыми русскими поэтессами созданы наиболее яркие произведения (“Вечор поздно из лесочку...” П.И. Ковалевой, “Если б завтра да ненастье...” Е.С. Сандуновой, “В селе, в селе Покровском среди улицы большой...” императрицы Елизаветы Петровны и другие).

Таким образом, под влиянием процесса обращения к народнопоэтическому творчеству складывается понятие о национальной культуре как выразителе характера каждого народа, а к творчеству

того или иного сочинителя все чаще предъявляется требование народности и соответствия его национальному духу вообще.

Олександр БОРЗЕНКО (Харків)

Становлення нової української літератури і рецепція народного слова

Основи нового українського письменства закладалися представниками двох різних літературних формацій, що співіснували і взаємодіяли упродовж перших десятиліть XIX сторіччя. Представники класицистичного напрямку, так звані «старші письменники» [14, 306], широко запровадили в літературний вжиток народне слово, однак загалом не вийшли за межі просвітницького гуманітарного ставлення до простолюду та естетично-ігрового — до простонародного мовного матеріалу. Незважаючи на це, вони були сприйняті, і то передовсім у лінгвістичному реєстрі, літераторами молодшої генерації 20-х — початку 40-х років XIX сторіччя як попередники і використані ними як своєрідні прецеденти у формуванні романтичної народницької міфології.

Під цим оглядом лінгвістичний аспект загалом, а також характер рецепції народного слова (ширше — слова усного, «фольклорного», зокрема) набувають особливої ваги, оскільки увиразнюють конфігурацію та релевантні риси різних літературних напрямів у процесі становлення нового українського письменства.

Становлення нової української літератури безпосередньо залежало від мовної ситуації, що склалася в українському суспільстві. Мовна карта етнічних українських територій останньої чверті XVIII — перших десятиліть XIX сторіччя значною мірою визначалась соціокультурними параметрами, що так чи так співвідносилися з політикою російського централізму, з одного боку, та малоросійським автономізмом, з другого. Взаєминам між центром і провінцією в мовній площині відповідав російсько-український білінгвізм як загальна структурна норма, що в ряді випадків ускладнювалась до моделі полілінгвізму залежно від регіональної культурної своєрідності, соціального стану та освітнього цензу мовців.

Регіональний аспект зобов'язує враховувати специфіку Правобережжя, де на культурну ситуацію протягом тривалого